

Выпуск 1

Пермское книжное издательство
Пермь-1959

ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

А . Д О М Н И Н

ДИКАРЪ

Эта книга написана пермским журналистом Алексеем Михайловичем Домниним. Она рассказывает о судьбе соболей на Урале и в Сибири. Безжалостно, хищнически уничтожался у нас дорогой зверек. В начале этого века он был накануне полного истребления. И только после Октябрьской революции его оградил от гибели. Сейчас в лесах страны соболей насчитывается в несколько раз больше, чем в начале XX века. При помощи советских ученых и звероводов соболи переселяются в те таежные места, которые они населяли когда-то и где раньше их совершенно истребили.

Художник Ю. К. Лихачев

ЧЕЛОВЕЧЬИ ГЛАЗА

Соболь знал, что такое гроза. Знал, как ослепительно вспыхнув, расколется вдруг низкое ночное небо, и тяжелый грохот, нарастая, помчится к земле. Чудится, что вот-вот налетит он, разметет, раздавит тайгу.

Вздрагнут и согнутся под ветром упругие ели, беспомощно замашет ветвями одинокий кедр на вершине сопки. Ударит по нему синее пламя молнии, и рухнет столетний кряж, подмяв молодую поросль. И тут же полоснет с размаху тяжелый ливень.

Соболь боялся грозы. Он прятался в глубокое дупло, лежал там неподвижно и слушал. Ему казалось, что кто-то большой и невидимый ломится сквозь тайгу, ищет его, соболя. Зверек плотней прижимался в дупле, готовый вмиг рвануться и выскользнуть из лап неведомого врага.

Но грохот прокатывался дальше, ливень стихал, и соболь, высунув из дупла острую головку, быстро осматривался. В тайге было тихо-тихо. По густым иглам стекали зеленоватые капли. Лес наполнялся густыми запахами хвои, прелых гнилушек и трав. Уже без страха смотрел зверек, как вдали разрывают ноч-

ную тьму синие сполохи молнии, невидимый уходит дальше и дальше, гневно урча. Теперь он не вернется, потому что соболю перехитрил его.

Однажды невидимый чуть не настиг соболя.

Долго не приходили дожди. Оттуда, где прячется солнце, дули жаркие ветры. Повяла трава от зноя, высохло болото за сопкой. Даже птицы стали ленивыми, прятались в зарослях у оврагов и сидели там с раскрытыми клювами.

И вот в сумерках, когда казалось, что зной выпил всю влагу из трав и земли, пришел невидимый.

Над лесом вскипала и клубилась низкая черная туча. Она закрыла всё небо своими рыхлыми крыльями. А сквозь тайгу с воем и хохотом ломился невидимый. Он хлестал по небу молниями, грохот его шагов гулко перекачивался по сопкам.

Соболь затаился в мягком беличьем гнезде на сухой старой лиственнице. Дерево вздрагивало и тонко гудело от ударов ветра. Метались встрепанные вершины елей. Зверек не знал, куда бежать, откуда ждать опасность. Всюду был этот невидимый, ломал деревья, рвал черное небо слепящим пламенем. Он не видел соболя и злился еще сильнее. В гневе бросил огонь на соседнюю сопку.

Пробежало робкое пламя по сломленной ели, зарылось в мох, будто спряталось. Но тут же зашипели и взметнулись по елям жадные желтые языки, швырнув пригоршни искр в серые клубы дыма.

Соболь увидел, как бросился огонь на одинокую лиственницу над обрывом. Затрещало и вспыхнуло дерево от вершины до корня, ярко осветив сопку. Густой желто-черный дым, закручивая искры, сползал в низину. А выше дымились тучи, ставшие в отблесках пожара багрово-синими.

На лиственницу, где прятался соболю, с маху упала тяжелая птица. Это был глухарь. Он судорожно разе-

вал клюв, грудь его колыхалась часто-часто. Красный отсвет огня трепетал в глазу.

Ломясь напрямик сквозь густой пихтовник, промчалась обезумевшая лосиха. За ней, отчаянно трубя, выскочил лосенок. Он потерял мать и заметался в темных зарослях, жалобно призывая ее.

Соболь оцепенел от ужаса. Пахнуло дымом, зверек захлебнулся им. У него щекотало ноздри, першило в горле. Он чихнул и стрелой вылетел из дупла.

Соболь нырял под обомшелые колодины, карабкался по деревьям, огромными прыжками перелетал овражки и ямы. Мчался и мчался, не разбирая пути. А сзади гнался за ним огненный ураган, швыряя в небо пылающие головни. И невыносимо пахло сладковатой гарью.

Путь соболю преградила река. Широкая и быстрая река, которой он раньше не видел. Соболь боялся большой воды — он никогда не плавал. Но страх перед огнем был сильнее всех других страхов. Зверек прыгнул в воду и поплыл. Его подхватило течением. Он изо всех сил работал лапками, продвигаясь дальше и дальше к спасительному берегу. Таяли силы, еще немного — и он совсем ослабеет.

Вдруг зверька сшибло течением, закружило и понесло на скалу, выступ которой повис над водой. О него с маху ударялась пенная струя и, вскипая, бросалась в сторону.

Над серым лбом камня повисла упавшая пихта, вода чуть задевала ее вершину. Соболь рванулся к этой пихте и схватил ветку зубами. Его повернуло, подбросило, ветка хрустнула. Но зверек успел зацепиться лапой, подтянулся и влез на пихту. Под ним неслась черная вода с белыми хлопьями пены. Промчалась уродливая коряга. Ее ударило о камень, она треснула, перевернулась и исчезла в водовороте.

Отчаянно барахтался и пыхтел медведь, пытаясь выбраться из водоворота. Зверь ухватился за пихту, на которой сидел соболь. Дерево ухнуло и поползло вниз. Медведь рывкнул. Соболь метнулся к скале, зацепился за куст, юркнул в расщелину. Выше и выше взбирался по выступам камня. И, наконец, выбравшись, снова бежал и бежал, не зная куда.

Было уже светло. Зарево потускнело, над сопками широкой пеленой расплывался дым. Сквозь нее еле просвечивало солнце, оно висело за этой пеленой тусклым красным шаром.

А соболь все бежал, пока не расступился лес. Он увидел квадратное поле с одинокой сосной, а за ним покосившуюся избенку. Там жили люди. В другой раз зверек повернул бы обратно и ушел бы подальше от жилья людей. Но сейчас лапы его не слушались, зрение потеряло остроту, ноздри — чутье. Он взобрался на толстый сук сосны и бессильно вытянулся на нем.

К дереву подскочила серая пушистая собака. Она металась вокруг, злобно лаяла, скребла лапами кору. Но соболь так устал, что даже не спрятался от нее в густой хвое.

Из избы вышел человек. Он окликнул собаку. Потом перелез через изгородь и подошел к сосне. Соболь смотрел на него тусклым неподвижным взглядом.

Человек приподнялся и снял его. Соболь не сопротивлялся, даже не впился зубами в эти длинные пальцы. Он весь сжался и дрожал.

А человек погладил зверька:

— Не бойся, дикарь.

Вокруг скакала и повизгивала собака.

Человек отнес зверька в дом, посадил в узкую клетку. Соболь забился в угол и уснул. Он урчал и стонал во сне. Ему виделись вихри искр над ночным лесом. Кто-то большой и страшный ломится сквозь

чашобу, грохочет и швыряет в соболя огнем. А зверек прижался к дереву и не может двинуться с места. Он чувствует на себе пронизывающий взгляд невидимого врага.

Соболь вскочил и оскалился. На него смотрели человечесьи глаза. Грустные серые глаза его хозяина.

— Что мне делать с тобой, Дикарь? — спросил хозяин и вздохнул.

Соболь заурчал, шерсть на загривке поднялась дыбом.

Приходили другие люди. У них были разные по цвету глаза и смотрели они по-разному: одни с любопытством, другие прищуривались со знанием дела.

— Какой мех! Черный, и седина по нему, словно изморозь.

В третьих светилась зависть:

— Привалит же счастье человеку!

Четвертые... От этих взглядов у соболя холодело в груди. Они горели зеленым огнем жадности. Он метался по клетке и не знал куда скрыться.

— Продай, — упрасивали хозяина эти люди. — Куда он тебе. С собой не повезешь.

Но хозяин только качал головой: «Нет».

Соболь ненавидел людей. Мог он перехитрить затаившуюся рысь, увертывался от цепких когтей ночного разбойника филина. Но от неповоротливого, медлительного человека, который не умеет ловко прыгать и лазить по деревьям, спастись куда труднее. Человек упрям и хитер. Так говорил соболю опыт таежной жизни, так говорил выработанный веками инстинкт.

Дикарь не притрагивался к еде, грыз решетку, скреб стены клетки. Он был в отчаянии.

К хозяину пришел еще один человек в длинной черной шинели с красными кантами и красной фуражке с черным верхом. У него были дряблкое серое лицо,

сизый нос, густые черные усы и маленькие белесые глазки.

— Что вам угодно, господин жандарм? — холодно спросил хозяин.

Но тот, не отвечая, наклонился над клеткой Дикаря и долго его рассматривал. Без любопытства и даже без жадности — с тупым безразличием.

Дикарь забился в ознобе от этого взгляда, с остервенением начал выгрызать мех на спине, на лапах. Не чувствуя боли, рвал свою собственную шкуру.

— Что это он? — удивился жандарм.

Хозяин, не отвечая, подхватил клетку, отнес ее в темный угол и прикрыл пальто.

— Дикарек, Дикарек, — успокаивал он зверька.

Дикарь в изнеможении повалился на бок и вытянулся. Сердце отчаянно колотилось. На черном носике колебался прилипший пучок темного меха.

Жандарм сказал хозяину:

— Ввиду неблагоприятного поведения вашего решили власти изменить вам место ссылки. Поедете на Урал. Вот предписание. Два часа на сборы.

— Я готов, — ответил хозяин. — Вот все мои вещи: книги да соболь.

— Какой соболь? Этот? — не понял жандарм. — Зверей возить не положено.

— Разве есть такая инструкция?

— Гмых, — кашлянул жандарм. Он силился припомнить, есть ли такая инструкция. Подумав, сдался: — Такой не встречал. Ладно, забирайте.

Хозяина звали Костей. Худой, долговязый, на остром подбородке кудрявится светлая мягкая бороденка. Был он когда-то студентом. В тысяча девятьсот десятом его арестовали, судили и сослали в далекую таежную деревню в Забайкалье. Сослали за участие в студенческом бунте.

Костя охотничал, как и все жители деревни. А меж-

ду тем прошел слух по округе, что, кроме охоты, он занимается еще кое-чем. Слишком уж далеко стали уходить местные охотники. Поговаривали, что помогают они побегам ссыльных революционеров. Ясно, что не обходится тут без Кости.

И решило жандармское начальство убрать его подальше от растревоженных забайкальских сел, отправить на другое поселение — за Урал к студеной Вишере.

Отправился с ним в далекую дорогу и баргузинский соболь Дикарь. Долго ехали они, сначала на громыхающей телеге, потом в душном вагоне, на пароходе, снова на лошади.

Соболь чуть успокоился. Изголодавшись, пил молоко, ел хлеб, жадно набрасывался на мясо. Но по-прежнему дичился хозяина, больно кусал за руку, когда тот просовывал ему пищу. Костя выдергивал руку и ворчал на зверька.

-- Дикарь проклятый. Я же к тебе по-хорошему. Однажды соболю удалось бежать.

Костя и сопровождающий его жандарм остановились у реки напоить лошадей. Костя отвязал от седла клетку, поставил ее на пенек, а сам пошел расставлять мышеловки и собрать ягод для зверька.

Река, зажатая лесом и скалами, казалась узкой и глубокой. Тихо шумела тайга. Далеко-далеко, в той стороне, откуда поднимается солнце, виднелась сизая вершина горы.

Соболь тоскливо смотрел на лес и тихо стонал. Сотни запахов, родных лесных запахов щекотали ноздри. Он слышал, как шуршат мыши под березой, сердито свистит полосатый бурундук, шмыгают по ветвям юркие синички. Дятел прерывисто выбивает дробь по сушине.

Костя принес серого мышонка. Жандарм поморщился: погань всякую в руки берет.

— Кажись, приехали, — буркнул он Косте. — К вечеру на месте будем.

Костя приоткрыл дверцу, просунул в нее руку с мышонком.

— Навязался на мою голову, — ворчал жандарм. — И чего люди бунтуют? Жили бы в спокойствии.

Соболь забился в угол и урчал.

— Весь в хозяина, — жандарм показал на клетку коротким пальцем.

Костя хотел ответить, но Дикарь вдруг впился ему в палец. Он выдернул руку, сдавив в кулаке мышонка. Соболь метнулся в дверцу, скользнул в траву, и вот уже темная спинка его мелькнула в конце поляны.

— Держи, держи! — заорал жандарм, схватившись за наган.

Дикарь мчался огромными прыжками. Он уходил на восток, к сизой вершине. Он все еще не верил своей свободе. Настороженно принюхивался и прислушивался к чужому лесу. Здесь была такая же тайга, как и дома, за Байкалом...

Не знал Дикарь, что снова встретится с Костей, и эта встреча будет для него роковой.

Не подозревал этого и сам Костя. Долго стоял он у пустой клетки и смотрел на шумящий лес. «Пусть Урал тебе станет новой родиной, Дикарь», — подумал он.

Жандарм сунул наган в кобуру.

— Не желает неволи.

— Как и человек, — сухо ответил Костя.

— Н-но, н-но, поговори! — встрепенулся жандарм.

— А соболей, — задумчиво продолжал Костя, — может быть, мы, люди, сделали такими дикарями. Эх, если бы мог соболь поведать историю рода своего!..

Костя замолчал и подумал: «Невеселую историю»...

ЗАГРЕБУЩИЕ РУКИ

Людское горе и соболиная беда шли рядом.

Русь не только торговала мехами. Иметь дорогие шкурки было все равно, что иметь золото. У царя Алексея Михайловича треть государственной казны составляли соболя. Несколько раньше отправлявшийся в Вену русский посол взял с собой сорок тысяч соболей и триста тысяч других мехов. Это был его «золотой мешок».

Поставлялись меха в основном с Урала и из Сибири.

Все дальше и дальше в глухие углы проникали за соболем торгаши, царские люди, искатели легкой наживы. Больно уж легким путем к барышу был таежный зверек.

Местные племена, не знающие ему цены, за какой-нибудь железный котел отдавали столько шкурок, сколько можно было упихать в этот котел. За нож меняли по шесть соболей, а за топор, стоивший в сто раз дешевле шкурки, — по полторы дюжины.

И больше всех загребал сибирских мехов сам царь. В конце семнадцатого века царским указом был наложен на сибирские племена ясак: с каждого мужчины от восемнадцати до пятидесяти лет — по собольей шкурке. Но сборщикам ясака тоже нужно было урвать свою долю. Царский указ развязывал им руки. И они брали ясак не только с мужчин, но и с женщин, детей и стариков, и не по одной шкурке, а по четыре: одну — в царскую казну, три — себе. Да еще полутно выменивали меха на разные безделушки.

Это был самый настоящий грабёж. Путешествовавший по Сибири ученый Стеллер с горечью и гневом писал в 1738 году о камчадалах: «Остается только удивляться, как эти бедные люди ухитрились поставлять такое количество мехов». По его словам, ко-

личество соболей здесь сократилось вчетверо по сравнению с началом века.

Так шел по тайге страшный хищник, имя которому — нажива. Он вторгался в избы и чумы и забирал все, что мог унести.

...Однажды старый якут убил белого соболя. Он повесил шкурку в чуме рядом с иконой «бога Николая». Когда якут был молодым, в стойбище приезжал русский поп. Он заставлял всех искупаться в реке и очень долго втолковывал якутам о русском боге и его святых. Якут никак не мог понять сложные объяснения попа. Тот сказал, что бог создал человека по своему образу и подобию, что бог в человеке.

— Значит, я тоже бог? — воскликнул якут и засмеялся.

Поп побагровел и вкатил ему оплеуху. Потом заставил повесить в чуме икону Николая-чудотворца. Якуту очень понравилась дощечка с нарисованным белобородым стариком, и он решил, что это и есть русский «бог Никола».

Он долго ждал, когда «бог Никола» даст ему много оленей и удачу в охоте. Но белобородый старичок смотрел на него выпученными глазами и будто говорил взглядом своим и разведенными руками: «Не взыщи, не могу».

Так и жил якут в бедности. Семья у него умерла от холеры, и он остался один. Руки его ослабли, взгляд притупился. В стойбище говорили, что лося или медведя ему уже не свалить.

И вот, наконец, пришла удача. Он приписывал её даже не «богу Николе», а белому соболю.

Меньше и меньше становилось соболя в окрестной тайге и если кому-нибудь удавалось выловить зимой штук двадцать — это было счастье, и вдруг он появился. Много пришло его. Настолько много, что из каж-

дой ловушки якут добывал по зверьку. У него было всего пять ловушек, и он проверял их часто.

Через неделю соболь исчез. По тайге пронеслась пурга, и никто не мог сказать, куда ушел зверек.

Якут знал, что соболя не уходят с тех мест, где они поселились, и не мог объяснить, почему и куда они бежали, как белки.

У якута было столько шкурок, сколько будет, если сложить три раза по сорок и еще одна. Эта одна была белой и пушистой, как снег.

В стойбище никогда не видели белого соболя. Самые знаменитые охотники приезжали к якуту, рассматривали шкурку и щелкали языками. А якут важно раскуривал трубку и, гордо выпятив грудь, рассказывал, что соболя послал ему с неба «бог Никола». Якут сам видел, как с облаков спускалось много-много черных зверьков, а впереди был белый. Каждый раз он присочинял больше и больше подробностей к рассказу и сам верил, что видел все это собственными глазами.

Оставаясь один, якут разговаривал с белой шкуркой, потому что в ней была заключена душа царя соболей. Иногда он пел.

Это была бесконечная песня о том, что он видел и о чем думал.

Как-то ночью зло залаяли собаки. Старый якут проснулся. Огонь в очаге еле теплился, и в чуме было темно и холодно. На стене белела пушистая шкурка.

На улице хрустел снег под полозьями оленьей упряжки. Кто-то кричал, отгоняя собак. Гулко треснул лед на реке — и звук прокатился по тайге выстрелом.

Якут бросил в очаг несколько поленьев и побежал встречать гостя. Гость был в огромном тулупе и лохматой собачьей шапке. На ресницах и воротнике осе-

ла густая изморозь. В лунном свете он был похож на медведя.

— Здравствуй, купеца! — обрадованно закричал якут. — Хорошо приехал купеца.

Он был рад гостю, потому что мог сейчас ему продать свои шкурки. Гость отвязал от нарт мешок и внес его в заваленный до крыши снегом чум.

Присев у огня, он долго расспрашивал якута о его здоровье и здоровье соседей. Потом достал бутылку с огненной водой и налил себе и якуту. В свете очага мясистое лицо гостя с толстым носом казалось кроваво-красным.

Якут засмеялся, принимая от него кружку. Он знал, что огненная вода теплом разольется в груди и сделает его довольным.

Гость налил якуту еще. Тот размяк, блаженно улыбался и тряс бороденкой. И, конечно, рассказывал о своей удаче и белом соболе.

Гость, покопавшись в мешке, достал зеркальце. Якут взял круглое стекло и увидел себя, потом гостя, потом пляшущий огонь в очаге. Он в восторге захлопал руками по коленкам: круглое стекло могло показывать душу якута, душу огня, душу гостя. У якута приятно кружилась голова от огненной воды, и он был счастлив.

Потом гость доставал и показывал стеклянные бусы, красные красивые ленты, ножи, которые могут складываться напололам. Якут перебирал вещи, прищелкивал языком и хвалил. Ему очень хотелось иметь их у себя. Он сбегал в лабаз и принес связки серебрящихся темных шкурок. Они мягко искрились перед огнем.

Глаза гостя тоже заискрились. Но он равнодушно пощупал шкурки, вернул их якуту. Потом стал прятать вещи в мешок.

Якут чуть не заплакал, когда в мешке исчезло и зеркало.

— Погоди, погоди, друг, — и начал бросать гостю на колени одну связку за другой.

Гость вздохнул, подумал и начал доставать вещи обратно. Скоро шкурки были в мешке гостя, а перед якутом лежала горка безделушек. Сам он смотрелся в зеркало и смеялся. Гость показал на белую шкурку, но якут замотал головой. Нет, ее он не сменяет ни за что. В ней заключен добрый дух, который приносит удачу. И он нежно погладил белоснежный мех.

К этой маленькой шкурке тянулись все его надежды, его мечта купить ружье и много оленей. Нет, он с ней никогда не расстанется. Она приносит счастье старому якуту.

Гость налил еще огненной воды. У якута уже заплетался язык. Он покачивался, шурил раскосые глаза и твердил о том, как шли с неба соболя. Потом он запел, глядя на огонь: он знал, что в огне сидит добрый дух, который несет тепло и свет.

Долго пел якут, пока не свалился на бок и не уснул.

Когда он открыл глаза, в слюдяное оконце пробивался свет. Очаг потух, и в дыру в крыше падали снежинки. У якута трещала голова, словно что-то распирало ее изнутри. Он сел и силился понять, где он и что с ним. На земляном полу валялись ленты, бусы, раздавленное волшебное стекло. Якут вспомнил, как швырял на колени гостю связки шкурок, а у того горел в глазах кровавый отблеск.

Якут испуганно оглянулся: холодок прошел от горла к сердцу и оно, вздрогнув, застучало громко и часто. Белого соболя на стене не было. Удивленный «бог Никола» на картинке разводил руками.

Якут схватился за голову и сжал ее ладонями изо всех сил. У него затряслась борода и на щеку

выкатилась слеза. Ему представилось, как краснолицый гость в огромном тулупе хохочет и мнет живого белого соболя. А тот скалится и не может выскользнуть из цепких пальцев.

Вскочил старый якут и, откинув полог чума, выбежал. Две пушистые серые лайки запрыгали вокруг, виляли хвостами. От чума, свернув на реку, шел след оленьей упряжки.

Лес был белым и тихим. Пушистые снежинки осторожно опускались на непокрытую голову якута.

Якут побежал по следу упряжки. Проваливался глубоко в снег, падал и снова поднимался. Он задыхался. Сердце колотилось гулко и отчаянно, и этот стук отдавался в висках.

Впереди якута мчались лайки. Они то скрывались в снежной пелене, то возвращались назад и нетерпеливо повизгивали.

А якут брел и брел по глубокому снегу, наклонившись телом вперед и цепляясь за снег, словно хотел выбраться из него и бежать по воздуху. Только чуть запорошенный след упряжки был перед глазами.

Над лесом кружились легкие осторожные снежинки.

В чуме старого якута валялось на полу раздавленное круглое зеркальце, на него тарачил глаза белобородый старик с иконы...

А по таежным селениям и стойбищам на лошадях, на оленьих упряжках, на собаках ехала, мчалась, шагала нажива, неся с собой горе и голод. Сотни, тысячи соболиных шкурок валялись и валялись в ее бездонный мешок. А она требовала: «Мало, мало, мало!»

Охотники, подчиняясь ее воле, снова и снова уходили за дорогим зверьком.

Оскудели безбрежные русские леса соболем. Его преследовали и уничтожали без жалости, без раздумий. В шестнадцатом веке только из части покоренной

Сибири вывозили по двести тысяч шкурок в год. В девятнадцатом вся Сибирь смогла поставлять только сто тысяч. А в начале нашего века добыча его сократилась до тридцати тысяч. Редкостью стал он на Урале, в Якутии, на Алтае. Только в самых глухих и дальних таежных уголках еще хоронился зверек.

Почти исчез в забайкальских лесах самый дорогой баргузинский соболь, шкурка которого — темная и пышная — ценилась особо.

Беда грозит таежному зверьку — быть совершенно истребленным.

Пройдет немного лет и его не станет совсем. И невозможно оградить его от гибели, если не обрубить запрещающие лапы наживе.

... Вот что мог бы рассказать Дикарь об истории своего рода, если бы мог это сделать.

Так думал Костя.

— Между прочим, — сказал он жандарму, — даже история этого зверька приводит к мысли о необходимости революции.

Жандарм недоверчиво посмотрел на лес, на Костю и сердито задергал усами.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ СОБОЛЬ

Поселился Дикарь на склоне двугорбой горы. Здесь стоял лохматый кедрач. Он был настолько густ, что подгнившие великаны не могли упасть и умирали стоя, опершись обломанными сучьями на плечи соседей. Когда налетал ветер, они скрипели, словно жалуюсь на старость.

Внизу под густой хвоей было сыро и сумрачно даже в солнечный день. Сквозь обомшелые трухлявые колодины пробивалась молодая поросль.

Дикарю понравились эти дебри. Выше в гору кедрач редел, на пустырях выпирали из земли тяжелыми лбами серые каменные глыбы, потрескавшиеся, зарос-

шие ржавой травой и мхом. И в густых зарослях, и в расщелинах скал, соболь всегда мог укрыться от любого недруга.

На склоне, из-под одного и того же камня начинались две речушки, бежавшие в разные стороны. Они возникали из чистых и всегда бормочущих родников. Светлые струйки то прятались в мох, то катились по каменистой ложбинке, подтачивая толстые уродливые корни лохматых великанов. И вдруг, словно вырвавшись из плена, они торопливо сбегали в крутые овраги и там текли уже спокойней, скрытые пахучими влажными листьями смородины и папоротника.

В ельнике у оврагов держались пугливые рябчики, дальше, где начинался молодой березняк, хоронились глухаринные выводки. Не было недостатка и в белке. К зиме нальётся душистым соком смородина, вспыхнут ярким румянцем рябины и свесят тяжелые гроздья, потемнеют орехи в кедровых шишках. Чем не житьё соболу!

Однако Дикарь чувствовал беспокойство. Он без труда мог добыть себе пищу и был сыт. Но какая-то непонятная сила гнала его из гнезда, и он рыскал по тайге ночи и дни. Стал раздражителен и зол. Иногда уходил от своей горы на полсотни верст. Он не знал, что ищет, зачем с отчаянным упорством мечется по тайге.

Увидев однажды филина, сидевшего у ствола березы, он не юркнул, как обычно, в заросли. Шерсть вздыбилась на загривке, в черных глазках сверкнул злой огонек. У филина были острые длинные когти. Соболь боялся когтей бесшумной ночной птицы. Но сейчас был день, и Дикарь был зол. Он прыгнул на березу, филин закрутил головой и смотрел по сторонам невидящими зелеными глазами. Вдруг птица распластала широкие мягкие крылья. Соболь рванул-ся ей на спину. Филин опрокинулся и неловко упал в

граву. Птица скрипела клювом, когти её судорожно сжались и стали медленно разжиматься. Дикарь, урча, сдавил ей горло.

Соболь ушел, не взглянув на свою жертву. Жадно ловил он запахи земли и леса, слушал тихие шорохи тайги.

Над тайгой пламенел июль. Ласковый июль с долгими и прустными закатами, светлыми звездными ночами и седыми росами перед зарей. Лес был настоен густым ароматом хвои, буйного разнотравья и цветов.

Июль — месяц соболиных свадеб. Томимый неясной тоской одиночества, Дикарь искал себе подругу.

Однажды дрогнули его чуткие ноздри — и зверёк замер, охваченный неясным трепетом. Он чуял след соболюшки.

Тайга дремала, облитая бледным светом луны.

Дикарь, невидимый и неслышный, бежал по следу соболюшки. То исчезал во мраке под навесом тяжёлой хвои, то мелькал в лунном островке, и темная шкурка вспыхивала серебром.

Рядом со следом соболюшки возник другой след, след чужого соболя. Дикарь заурчал, зло скребнул по траве лапами. Глухая ярость закипела в нем.

Дикарь настиг их на узкой поляне над оврагом. Соболюшки не было видно, а чужой соболь носился вверх и вниз по стволу ели. Он был меньше Дикаря, у него был светлый бурый мех с темной полоской на спине.

Дикарь заурчал. Соперник замер, выгнулся и припал к земле.

Две юркие тени метнулись навстречу друг другу и свились в клубок. Дикарь с маху опрокинул соперника, рвал, кусал, царапал. Тот впился ему в заднюю лапу. Дикарь взвыл от боли и злости. Он дергался, волочил соперника по земле, но тот не разжимал пасти. Дикарь, извернувшись, укусил его в нос. Тот

фыркнул и отскочил. Урча, попятился и вдруг исчез в траве.

Дикарь не стал его преследовать, не стал и зализывать раны, побежал к соболюшке, притаившейся в зарослях.

Соболюшка была маленькой и озорной. Она весело прыгала перед Дикарем и вдруг, перемахнув через него, скрылась в густых ветвях ели.

Это была их свадьба. Свадьба без пира и гостей, один на один, но свадьба веселая, живая, с бесконечными играми в прятки и состязаниями в ловкости.

Переполненный неведомым чувством, Дикарь гонялся за маленькой светлой соболюшкой. Среди буйных таежных цветов и трав они то скакали, затеывая веселую игру, то неторопливо шли рядом...

Так и остался Дикарь жить в том кедраче на склоне горы, который приглянулся ему сначала.

Шла зима. Первая метель заметалась в тайге. Белые вихри крутились в зеленой хвое. Ветер, прорываясь снизу, бросался под широкие платяя кедров, шумел и сыпал снег на хрупкую, тронутую морозом землю.

Шубка Дикаря стала густой и пушистой. Она осталась такой же темной, почти черной, как летом. Из всех соболей только бургузинские не светлеют зимой. На брюшке Дикаря мех был буро-желтоватым, а на груди красовалось яркое оранжевое пятнышко.

Красавец-соболюшка! Быстрый и ловкий, он будто не бегал, а порхал по воздуху легкими быстрыми взмахами.

Дикарь отвык от опасности. Ему было весело. Он не умел играть сам с собой и игрой становилась для него охота. Нарочно подолгу подкрадывался к задремавшему рябчику; спугнув белку, отчаянно гонялся за ней. Впрочем, белок преследовал неохотно. Дикарь не любил скакать по деревьям, как это делают ку-

ницы. Он предпочитал держаться внизу, под завесой хвой.

Однажды Дикарь увидел лосей, подкрался и прыгнул на спину лосенку. Надо было видеть, как тот подскочил, взревел, и как всполошилось все стадо.

Белым-бела зимняя тайга. Белы деревья, укутанные снегом, белы камни, укрытые тяжелой шубой. Тишина. Звонкая лесная тишина. Лишь скрипнет сушина, да снежный ком сорвется с ветки.

Коварна зимняя тайга. Все тайны ее — на снегу. Смотри и читай, как по книге, замысловатый язык следов. Пойдет пурга, сметет эти тайны, и на свежей пороше выткнутся новые рассказы о таежных приключениях.

По следу Дикаря шел человек. Он знал все, что делал сегодня соболь, где был. След зверька рассказывал ему об этом. Соболь ходит «чисто», ставя задние лапки точно в след передних. Это называется «ходить в коготь».

С рассветом спустился Дикарь из беличьего гнезда, послушал, встряхнулся. Неторопливо отправился вниз по склону — там больше дичи и ягод.

Под снегом пискнула мышь. Пискнула тонко, неслышно. Но соболь все видит и слышит. Он привстал на задние лапки, нетерпеливо дернулся хвост. Легкими скачками пошел в сторону. Пригнулся, стал осторожно красться. Замер, еще послушал. И вдруг, сделав еще скачок, зарылся в снег. Выбросил мышку вверх и на лету снова поймал. На морде у него серебрился снег.

Чуткое ухо Дикаря уловило какой-то шорох. Наскоро расправившись с мышью, он широкими скачками помчался на звук и наткнулся на свежий след горностая.

Глазки Дикаря сверкнули, на загривке вздыбилась шерсть. Горноста́й был недалеко.

Дикарь нагнал его у оврага. Белый юркий зверек с черной кисточкой на конце хвоста, почуяв соболя, завилал меж упавших стволов и исчез под елью. Под лапами хвои, придавленной снегом, был сложный лабиринт ходов, и горноста́й уходил по ним. Дикарь пробирался по пятам.

Горноста́й выбился наверх, сделал два прыжка и снова юркнул в снег. Дикарь — за ним. Быстро работая лапками, пробивал дорогу в сыпучей толще. Но горноста́й исчез. Собо́ль выскочил из-под снега, осмотрелся, начал в ярости бегать по опушке.

И вдруг услышал далекий скрип снега. По лесу шел человек и с ним — собака.

Человек бьет молнией. Но собо́ль может скрыться от него за тяжелой завесой хвои. Человек ставит ловушки и капканы. У собо́ля есть острое чутье, чтобы разгадать опасность. Человек видит след, но собо́ль хитер и умеет путать следы.

Дикарь пустился бежать в гору, вспрыгнул на ветку, снежный ком дрогнул и рухнул. Собо́ль взбирался выше и выше по кромке веток. На пухлом снегу были ясно видны отпечатки его лап. Дикарь хитрил. Добравшись до вершины, он осторожно спустился обратно вдоль ствола и прыгнул точно в свой старый след. Пошел по нему осторожно, боясь неверно ступить. Метнулся под упавшее дерево, зарылся в снег и прополз так метров двадцать. Потом забрался на кедр и замер, прислушиваясь.

Серая лайка мчалась по следу. У того самого кедра, где собо́ль путал след, она заметалась, взвизгивая. Лайка была умна. Она поняла, что собо́ля нет на дереве. Пошла обратно, остановилась, вернулась к кедру.

Дикарь спустился на нижний сук и с любопытством наблюдал за собакой. Где-то сзади пробирался сквозь чащобу человек. Увлеченный наблюдением за

лайкой, соболь не заметил, как человек подошел вплотную.

Человек снял шапку, стряхнул с нее снег, снова надел. Он был в коротком полушубке, за спиной висела сумка, за плечом было перекинута ружье.

Человек поднял голову, глаза его расширились. Он увидел на суку соболя, черного серебристого соболя, какого не видывал никогда.

Дикарь скользнул в хвою. Человек вскинул ружье.

Соболь изо всех сил оттолкнулся лапами, свернувшись в клубок, полетел к соседнему кедру и исчез в ветвях. Сзади щелкнул курок, но выстрела не было.

Человек застонал. Он бросил ружье в снег и начал топтать его.

Теперь соболу было не до хитростей. Он бежал что есть мочи дальше и дальше в гору. Собака шла по его следу.

Снег был крепок, и она почти настигала зверька. А где-то сзади спешил охотник. Он бросил сумку, бросил полушубок, от мокрой рубашки шел пар.

Дикарь мчался двухметровыми прыжками и слышал за собой частое дыхание лайки.

Соболь вспрыгнул на толстую сушину и юркнул в дупло. Собака подняла отчаянный лай и скребла дерево лапами.

Сушина была пустотелой до самого корня. Дикарь неудобно свернулся, зацепился за выступы.

Зверек чуял: будет пурга. Скоро, совсем скоро упадет она на тайгу. Он ждал ее, как спасения.

Человек подошел к сушине, заткнул шапкой отверстие в дупле, постучал по сушине — дерево гулко отозвалось. Дикарь замер в напряжении.

Человек принялся рубить сушину. Она вздрагивала и долго гудела при каждом ударе. Гроном отдавался этот стук в ушах зверька. Он заметался в дупле, ища выхода.

Внизу появился просвет. Он увеличивался с каждым ударом.

Человек спешил. Потянул ветерок, прошла колючая поземка. Прошумели и замерли кедры.

Человек спешил. Торопливей стали удары.

Дерево дрогнуло, накрепилось. В тот же миг Дикарь выскользнул из него. Над ним щелкнули собачьи зубы, но он успел увернуться.

Человек схватил ружье. Налетевший вихрь взметнул перед ним снежную тучу.

Пурга налетела сразу, как это бывает в тайге. Затрещал, загудел, завыл лес. Ничего не видно, кроме снежных вихрей.

Закрыли вихри черного соболя.

Бредет человек, наваливаясь грудью на ветер, хлещет его по лицу колючим снегом, пронзает тело ледяными иглами. Борода у человека белая, на груди налип снежный панцирь.

Слизала пурга старый след. Куда идти, где бросил он сумку и полушубок? Без них — смерть. Прислонился, обессилев, к стволу кедра. Ломит тело от холода. Скачет перед человеком белый пес, лает, зовет вперед, зло кусает хозяина за руки, тянет за штанину.

Человек, отшатнувшись от кедра, снова бредет, наваливаясь грудью на ветер.

А Дикарь, укрывшись в хвое, смотрит, как машут кедры широкими лапами, как вьется меж ними белый свирепый зверь — пурга. Ничего не видно вокруг за снежными вихрями.

О ЧЕМ ШЕПТАЛИ ЗВЕЗДЫ

Дед Поликарп рассказывал Косте:

— Слышь, соболь заколдованный у нас объявился. Шкурка у него такая темная и богатая, какой мы не знавали в здешних местах. Только в руки не

дается. На что Бедун исправный охотник, на лету копейку прострелит, — а и тот оплошал. Не иначе обротень, соболь-то.

Весть об этом соболе принес Бедун. Еле вышел он из тайги, добрел до избы и свалился в беспамятстве. Подкосила его хворь, да так, что лежит теперь пластом на печи, кутается в тулуп и зябнет. Забываясь, кричит в полусне:

— Чур меня, чур! Не дамся...

— А соболек, видать, дорогой. Рублей полтысячи потянет, — продолжал говорить дед Поликарп.

У Кости дрогнуло сердце. «Дикарь, — подумал Костя. — Мой Дикарь!»

Наскоро набросив полушубок, он заспешил к Бедуну.

Жил Костя в глухой таежной деревушке, на берегу Вишеры. Хлеб здесь родился плохо, и мужики зимой охотничали, летом ловили в реке тяжелых тайменей и нежных хариусов. Сбывали добычу в Чердынь, купцу Алину.

Торговал Алин мехами и дичью. По зимним дорогам шли его обозы на Пермь, на Москву. Не только в столичных ресторанах, — даже к царскому столу шли алинские рябчики и тетерева.

Алин снабжал охотников мукой и припасами. Постепенно прибрал к рукам все северные деревни. И не заметили люди, как опутал он их долгами и кабальными обязательствами.

Года три назад навалился на деревеньку голод. Лето было сухое и жаркое. Горели леса. Не родилась в тот год и ягода. Рябины к осени потемнели, и листья у них не пылали румянцем, а были темно-красными и жесткими.

Густыми гроздьями свисали шишки на елях. Они заплыли смолой и не годились на пищу птице. Не стало птицы, зверь тоже ушел из тайги.

И тогда-то особенно щедр стал чердынский купец. Он прикидывался жалостливым, подкармливал деревню. И в таких долгах были у него мужики, что не знали, как вылезти из этой кабалы. Почти задаром забирал у них купец всю зимнюю добычу.

И вдруг одному из них — Бедуну помаячило счастье. Вспыхнула надежда выбраться из алинской паутины. Шкурка черного соболя с лихвой покрыла бы все его долги. Но счастье мелькнуло и скрылось.

Слушали Бедуна охотники, вздыхали, качали головами.

Он, свесив голову с печи, дышал прерывисто, говорил с трудом. Осунулся от болезни, обострились широкие скулы, спутанная борода торчала клочьями.

Костя вбежал в тесную избу, перевел дух. На лавке у стены сидели мужики, расстегнув полушубки. Посередь избы возились, что-то выстрагивая, босые мальчишки.

— Ни разу не было промашки, и тут вдруг — на тебе, — тихо, с долгими перерывами говорил Бедун.

— Где ты видел черного соболя?

Бедун посмотрел на Костю мутными воспаленными глазами.

— Зачем тебе?

— Дикарь это. Мой соболя, — улыбнулся Костя. Щеки у него горели румянцем, глаза сияли.

Бедун потемнел, отвернулся.

— Твой? Да ну? — с издевкой спросил он. — Жаден ты, однако.

Костя оторопело заморгал.

Охотники, потупившись, молчали. У Кости мурашки прошли по спине.

— Честное слово, мой, — торопливо договорил он. — Я вез его из Забайкалья, а он сбежал дорогой.

Он чувствовал, что говорит не то, что ему не верят.

С ужасом вспомнил, что никому не рассказывал о Дикаре. Скрывал нарочно, чтобы уберечь от пули.

Мужики молчали. Детишки перестали строгать полено и уставились на Костю.

— Вот что, — поднялся с лавки старик-сосед. У него была широкая, во всю грудь борода и лохматые колючие брови. Он положил на стол шапку, прижал ее тяжелой ладонью. — Почитали мы тебя, Константин Максимович, хлебом-солью встречали. Детишек наших ты грамоте учил, о правде нашей мужицкой рассказывал. В ссылку из-за нее пошел — не побоялся. Думали — вот стальной человек. Большак, одним словом. А на поверку вышло — душа у тебя купецкая, жадненькая. Из-за соболька голову потерял. Твой, говоришь? Ничейной он, вольный. Но коли первым Бедуну повстречался, никто его охотничать не вправе. Такой закон наш неписанный, таежный закон.

У Кости горели уши. Он не смел поднять глаза. Обида и стыд сдавили горло. Он медленно повернулся и пошел к двери.

Не разбирая дороги, брел Костя к дому. Его душили слезы. С удивлением увидел, что перелез через плетень и стоит по пояс в снегу в чужом огороде.

«Сам виноват! — зло подумал он. — Расшумелся: Мой соболь, мой соболь! Заварил кашу, теперь расхлебывай».

В деревне тайн не бывает. Что знает один — то знают все. Дед Поликарп, у которого жил Костя, маленький плешивый старичок, ворчал на него с обидой:

— Ой, дурень ты, дурень! Натворил делов. Таежники — народ упрямый. Уж коли втемяшится что в башку — ничем не выбьешь. Теперь тебе и «здрасте» не скажут. И детишек не пустят, чтобы ты грамоте их учил. Теперь ты отрезанный ломоть. Сиди дома и пузыри пускай...

Бедуну становилось все хуже и хуже. Он бредил и звал соболя.

— Кабы не скончался, Бедун-то, — вздыхал хозяин.

— Доктор нужен, — горячился Костя. — Срочно нужен доктор.

Дед Поликарп усмехнулся.

— Доктор! Ему деньгу плати. А где Бедун добудет? Потому и прозвище ему дано такое, что в избе — хоть шаром покати.

— Слышь-ка, — поведал Косте хозяин в другой раз. — Сам купец Алин к Бедуну прикатывал. Пытал про черного соболя. Но Бедун — молчок, будто не помнит. Алин рассвирепел, рожа, как свекла, налилась. Сказал, чтобы немедля Бедун ему долг возвратил. Иначе, говорит, вдвойне запишу... — Старик вздохнул, — так-то, браток, пришла беда — растворяй ворота.

Долго не спал Костя в эту ночь. Сидел, обхватив голову, и неподвижно глядел на огонек лампы. Потом растолкал хозяина, горячо зашептал:

— Ружье дашь?

Дед Поликарп испуганно крестился:

— Что ты, мил человек. Неужто купца порешить замыслил?

— Дай ружье, — умолял его Костя, — дай, прошу.

С рассветом, закинув за плечи старую берданку, Костя ушел из деревни. Лыжный след тянулся в тайгу.

Деревенские хмуро переговаривались.

— За сободем ушел. Да за такие дела...

— А кто его знает, — разводил руками дед Поликарп, — ушел не сказавшись, может, просто ветром дыхнуть.

...Снова почуял Дикарь человека. Это был сероглазый. Шел он один, без остроухой злобной лайки.

Соболь не побежал. Он затаился в ветвях ели и стал ждать. У него не было страха. Конечно, человека нужно везде опасаться, но этот совсем не такой страшный, как другие. Он не бросает молнию. Он просто хочет снова посадить Дикаря в клетку.

Человек, тяжело поднимая лыжи, пробирался сквозь чашобу.

Снег с елей сыпался ему на голову и плечи. Вот тяжелый ком угодил ему прямо на шею, человек наклонился и крутит головой, вытряхивает его из-за воротника. У него в руках ружье.

Ближе подпустить сероглазого опасно. Дикарь стал уходить в гору. И снова затаился.

Человек упрямо шел по следу.

Целый день водил его соболь, водил, не торопясь, выбирая места с буреломом и чашобой. Он сам устал, надоело ему хитрить и путать следы. Начал привыкать к человеку и подпускал его совсем близко.

Над горой зацепилось за ели красное холодное солнце. Бледные лучи скользили по склону, подрумянив пышные горбы сугробов. Длинные тени вытянулись по склону.

«Человек устал и будет отдыхать, — решил Дикарь. — Он выроет яму в снегу и будет долго подпаливать сучья, пока не схватит их горячий прыгающий огонек. Человек наломает веток пихты, приляжет на них и будет смотреть на огонь».

Дикарь стал спускаться по склону. Из-под шапок сугробов кое-где был виден серый камень. Соболь заглянул в одну из расщелин. Туда была настлана трава — мыши запасли ее на зиму. Дикарь юркнул внутрь. Здесь было так уютно, что не захотелось уходить. Соболь чувствовал, что идет мороз, а тут, в сухой траве, было тепло. Он свернулся калачиком.

Соболиный след привел Костю к расщелине. Он разгреб снег, потыкал внутрь палкой. Расщелина бы-

ла глубокой. Костя зажег траву и ждал. Дым должен выкурить зверька. Но расщелина, видимо, была глубокая, а дым крутился только у входа.

Костя знал разные способы охоты на соболя. Самым надежным и самым трудным сибиряки считали такой: затаиться и ждать, пока зверек не выглянет сам. Соболю любопытен и нетерпелив. Ему обязательно нужно знать, что делается снаружи.

Костя устроился под елью напротив расщелины и стал ждать.

Снизу из-под горы поднималась ночь. Жгучим ледяным дыханием окутывала она тайгу. Чудилось, что стынут деревья в холодной дремоте, замирает дыхание леса...

Луна, большая и яркая, бросала мерцающий свет на горбатые спины камней, на укутанные снегом кедры. Голубым огнем искрятся сугробы.

Низко над горой мерцают яркие россыпи звезд. И в этой режущей уши тишине чудится, будто звезды шелестят и шепчутся. А воздух так неподвижен, что если провести рукой, он зашелестит. Шепотом звезд называют в Сибири мертвое ночное безмолвие тайги.

Жутко одному в такие ночи. Кажется, все кругом погрузилось в мертвый сон. И тебя самого окутывает сладкая дремота. А звезды над горой шелестят, шепчут. О чем они шепчут? Не о том ли, что и ты останешься здесь навечно, что застынет в тебе горячая кровь?

Чиркнула по небу упавшая звезда. Костя мог поклясться, что слышал, как она вспыхнула и сгорела.

Стынут ноги, мороз проникает под полушубок. Глаза слипаются... Костя шевелит в валенке пальцами и все время заставляет себя думать об одном — о соболе. Он напряг всю свою волю, чтобы не задремать.

Ему страшно. Страшно от этого безмолвия, этого

шелеста звезд! Хочется вскочить, топтать снег, бегать.

Стиснув зубы, сжимает он руками берданку. Не отрываясь смотрит на расщелину.

Перед глазами плывут серебристые голубые круги. Что это? Да это же звезды! Близкие, как большие зеленые искры. Они кружатся с тихим звоном. Стоит протянуть руку — схватишь одну из них. Но не хочется поднимать руку. Хочется спать, спать...

ПРАВНУК

Он пышнее, растет, серебрится, остроглазый смышленный соболенок Дикарь. Живет зверек у тетки Евдохи, изба которой стоит на краю деревни. За огородом начинается редкий осинник, а за ним — крутой обрыв к речке Змеинке, прячущейся в ивняке.

Привольное житье у Дикаря. Рыскает соболек по деревне, дразнит собак, дерется с кошками. Ночью заберется в чей-нибудь погреб — полакомиться сметанкой и поворошить мясные и рыбные запасы. А то для забавы проникнет в курятник и там поднимет такой переполох, что всю деревню разбудит. Прибегут хозяева — кто с вилами, кто с ружьем, торопливо чиркают спичками, пытаются зажечь свечу. А соболька — и след простыл.

Потом в деревне долго гадают: отчего бы всполошиться курам. Не иначе — лиса побывала. Но почему тогда все куры целы? Ломают головы деревенские и над пропажами в погребах. Подозрение падает на кошек, и им по очереди достается за чужие провинности.

На Дикаря никто не подумает: приди с утра к тетке Евдохе — он преспокойно спит, свернувшись на печи с котятами и бесхвостой кошкой Муськой.

Впрочем, однажды Дикарь навлек на себя серьезные подозрения. Он забрался в соседний чулан.

И понадобилось же хозяйке ночью зачем-то пойти туда. Соболь затаился в ворохе старых кож. Желтый трепещущий огонек свечи бросал свет на пыльные стены, сундуки, кучу обуви и кож. Хозяйка наклонилась и стала перебирать кожи. Дикарь метнулся через нее, свеча погасла, женщина с визгом отпрянула в угол.

Потом хозяйка клялась, что на нее прыгнул черт. Уверяла, что даже видела у него кривые рожки и копыта.

Но большинство деревенских начали догадываться, что этот «черт» живет у тетки Евдохи и зовут его Дикарем.

Недаром у тетки «вся живность с причудом».

Есть у нее собака — белый косолапый Топ с черным, неровным пятном вокруг левого глаза. Топ — отчаянный скандалист. Вечно лезет в драку с соседскими лайками. И уже через минуту с неистовым визгом мчится к дому, спасаясь от сноровистых псов. А тетка Евдоха, слышав его вопли, спешит вырывать незадачливого любимца.

— Ироды окаянные, — ругается она на собак, разгоняя их пинками. — Управы на вас нету!

И, подхватив Топу на руки, несет его домой. Долго и заботливо лечит ему прокушенное ухо или ободраный нос.

Другая «живность» у тетки — рыжий кривой петух, злющий, как целной пес. Мальчишкам от него проходу нет. Да и сама тетка Евдоха выходит во двор не иначе, как с полотенцем для защиты от «одноглазого ирода». Клюется петух больно, «с защипом».

— Извел он меня, — жалуется тетка Евдоха соседкам. — Вконец извел. Вон — все руки исклеваны.

— Так заруби его, — советуют ей.

— Как так — заруби? — возмутится вдруг тетка Евдоха. — Он, поди, курам защитник, должность свою

справляет. Не то что ваши заморыши.— Она смотрит на собеседника так, словно он предлагает ей совершить преступление.

С утра до вечера воюет тетка Евдоха со своей «живностью». Но больше всего хлопочет от соборенка. Он — «всем иродам ирод».

С прошлой весны живет у нее Дикарь. Попал он к ней вот как.

В 1955 году на быструю реку Улс, приток Вишеры, приехала экспедиция. Возглавлял ее Костя.

Это был уже не тот Костя — долговязый студент с пушистой бородкой. Он стал Константином Максимовичем, профессором, знаменитым в стране звероводом. Был по-прежнему худ и высок. Только плечи сгорбились, да у прищуренных глаз лучились мелкие морщинки.

Из далекого Забайкалья экспедиция привезла сто черных баргузинских соборей в клетках. Зверьков выпустили в тайге. Местный соболь не богат шкуркой, она раз в десять дешевле баргузинского. Вот и решили звероводы обогатить Урал черным соборем.

Константин Максимович, — куда бы уж старику по лесам бродяжить — сам поехал на Урал.

Был конец марта. Потемневший лежалый снег сковало заморозком, и лыжи скользили легко.

В тайгу уже заглянула весна. Ели стряхнули с себя тяжелые снежные шубы. Лес был тих и свеж, словно умытый солнцем. Пахло арбузами. Да, да, Константин Максимович мог поклясться, что запах весны похож на запах свежеразломленного арбуза.

Звонко пересвистывались рябчики, издали доносилось густое и сердитое воркование косачей.

Журчала речка. Зеленоватая прозрачная вода прорвалась на лед и широкими струями разлилась по оврагу.

На снег поставили тяжелую клетку.

Константин Максимович открыл дверцу. Спрятался со своими спутниками за дерево.

Из клетки высунулась черная мордочка, блеснули быстрые глазки. Резко дергая головкой, зверек осматривался. Юркнул обратно.

Константин Максимович ждал.

Зверек вышел из клетки, старательно ее обнюхал, обнюхал синий мартовский снег вокруг. Вдруг метнулся на ель и замер в густой хвое.

— Второй, — сказал Константин Максимович. — Первым был Дикарь.

В стороне хлопнул выстрел.

— Беду-у-н! — крикнул Константин Максимович, сложив рупором узкие ладони.

— А-а-а! — отозвалось в лесу.

Константин Максимович поспешил на зов.

Бедун слезал с сухой березы, придерживая что-то за пазухой. Внизу распласталась на снегу желто-бурая рысь. Толстые длинные лапы были вытянуты, пасть застыла в оскале.

Снег вокруг был истоптан. Кругом — пятна крови и клочья темного меха.

Бедун молча отвернул полушубок на груди: в белом меху возился большеголовый слепой соболонок.

— Припоздал малость, — зло сказал Бедун. Он кивнул на рысь. — Не убереглась соболюшка. И детеныш вот последний... Так у дупла и сшиб злодейку.

Бедун — уже совсем старик. Сморщились щеки, борода стала седой и редкой. В плечах Бедун по-прежнему широк, и походкой напоминает медведя. Напросился он быть егерем в новом соболином заповеднике. Клялся Константину Максимовичу, что тайга для него — что собственный двор, а по силам он еще и молодым нос утрет...

Константин Максимович взял соболонка, положил

на ладонь. Тот пытался ползти и тыкался носом меж пальцев.

— Дикаря правнук, — сказал Бедун.

— Ты думаешь?

— Не думаю, а знаю. Давно эту соболюшку приметил. Хромоножка она была. мехом куда темнее наших. Откуда же ей такую шубку взять, как не от забайкальского прадеда.

— Погибнет, — добавил он, кивнув на соболенка.

— Попробуем спасти, — хмуро ответил Константин Максимович. — Соской выкормить можно. Или... — Он вдруг оживился. — Не знаешь, у кого есть кошка с котятами, с маленькими?

— Кто его знает, — пожал плечами Бедун, — в деревне спросить надо...

Путь их лежал по тем же местам, где когда-то они бродили за Дикарем. Склон горы густо зарос молодым пихтовником. Сухая в два обхвата ель навалилась на камень, и ее серые сучья торчали над густыми лапами молодых кедров.

Константин Максимович отчетливо вспомнил ту холодную голубую ночь, когда он чуть не остался здесь навсегда.

Он замерзал. Над головой мерцали низкие холодные звезды. Веки сладко слипались, и не было сил открыть их. Спать, спать, спать... «Замерзаю, — равнодушно подумал Костя. — Ну и пусть»... И в следующее мгновение он вдруг похолодел от этой мысли. Резко открыл глаза. Пошевелил пальцами ног — целы. Стянул варежки, начал дуть на застывшие руки.

В освещенной луной расщелине качнулась тень. На мгновение у Кости какая-то горячая волна прокатилась от горла к сердцу. Он вспомнил про соболя. Осторожно поднял с колен берданку. Тень шевельнулась. Костя нажал курок. Блеснул огонь — и лопнула

шуршащая тишина. Тень метнулась от расщелины и упала в снег.

Костя вскочил, но тут же сел обратно — ноги плохо сгибались в коленях. Снова поднялся и, проваливаясь в снегу, побрел вперед.

На снегу лежал Дикарь. Голубыми искрами серебрился пушистый черный мех.

Костя гладил его, прижимал к груди. Слеза, растопив на реснице иней, скользнула по щеке. Кругом была тишина. Сверху смотрели тихие звезды и о чем-то шептались.

... Только на другую ночь вернулся Костя в деревню. Он зашел прямо в избу Бедуна. Все спали. Костя ошупью пробрался к печке и положил в изголовье Бедуна мягкую соболиную шкуру.

В ту ночь Костя ушел из деревни. Он бежал из ссылки.

Что было потом?... Революция, гражданская война, борьба с бандитами в тамбовских лесах... Работа в соболином питомнике при Московском зоопарке...

В 1930 году Костя едет на Северный Урал — там организован соболиный заповедник. Но какой это заповедник, если в угрюмых бесконечных лесах насчитали всего тридцать восемь зверьков.

И так было везде. Не тысячи, как прежде, а десятки зверьков остались в необозримых уральских и сибирских лесах. Нужно было во что бы то ни стало спасти их от истребления.

Постановлением Совета Народных Комиссаров на Амуре, Камчатке и в Забайкалье организуется еще три заповедника. А вскоре охота на соболя запрещается повсеместно.

Зверек, огражденный от пуль и капканов, начал быстро заселять опустевшие леса. Через пять лет в Костином заповеднике было уже полторы тысячи зверьков.

Потом, перед войной, Костя занялся расселением самого дорогого баргузинского соболя на Алтае и в Сибири. На новых местах зверек чувствовал себя прекрасно. За последние десять лет было выловлено восемь тысяч черных соболей. Как Дикарь когда-то, в клетках перекочевывали они в леса Якутии, Камчатки, Урала. Сто зверьков привезли в Вишерские леса, на реку Улс...

Так спасен был таежный зверек. Сейчас в отдельных местах разрешена на него охота. И добывают его больше, нежели в самый добычливый год в царской России. Но это очень мало по сравнению с ежегодным его приростом.

Впрочем, успокаиваться рановато. Пока лишь не больше одной пятой тех лесов, где когда-то водился соболь, заселено им снова...

* * *

В окно тетки Евдохи постучали. Она выглянула. На улице стояли Бедун и «начальник экспедиции». Тетка Евдоха торопливо вымыла руки, начала рыться в сундуке. Появилась перед гостями в шелковом черном с цветами платке на плечах, в новеньких красных домашних туфлях. Маленькая, полная, держалась степенно, как на гулянье.

— Тетка Евдоха, говорят, у тебя Муська окотилась?

— А ты не ори, — оборвала Бедуна тетка Евдоха.

— Да я не ору. Муська твоя...

— Ну вот и не ори. Не глухая, — спокойно продолжала она. И повернулась к Константину Максимовичу: — По какой надобности ко мне, начальник? Заходи в избу, поговорим.

С превеликим трудом удалось Константину Максимовичу втолковать тетке Евдохе, для чего нужна ее кошка.

— Ты хочешь моей кошке этакую образину подложить, — возмущенно всплеснула руками тетка Евдоха. — Сожрет ее Муська. Как есть сожрет. — Она погладила соболенка и неожиданно ласково произнесла: — Сиротинка ты, сиротинка. — Вздохнула. — Ну, ежели с научной целью — подкладывай.

Гнездо Муська устроила за печкой. Три слепых полосатых котенка спали, уткнувшись в материнское брюхо. Муське поднесли соболенка. Кошка настороженно принюхивалась, глаза ее загорелись, короткий хвостик нервно подергивался. Она чуть не схватила соболенка, Константин Максимович вовремя отдернул руки.

— Теплой воды нужно.

— И с водою одинаково сожрет, — махнула рукой тетка Евдоха. Она налила в ведро теплой воды, поставила перед Константином Максимовичем. Он достал одного котенка, окунул его в воду, стал мыть. Котенок открывал красный ротик и тонко пищал. Муська металась от него к гнезду и призывно мяукала.

Тетка Евдоха вдруг возмутилась.

— Виданное ли дело — котенка, как дитя, водой крестить.

Решительно отставила ведро, отобрала котенка и стала осторожно купать его сама. Константин Максимович переглянулся с Бедуном и улыбнулся.

Когда все три котенка были вымыты, и Муська, мурлыкая, вылизывала их в гнезде, в той же воде искупали соболенка. Константин Максимович осторожно положил его к котяткам. Тот неловко втискивался между ними. Муська осторожно обнюхивала подкидыша. Теперь от него пахло котенком.

Тетка Евдоха склонилась над ней, держа наготове боевое свое полотенце.

— Ну, лизни его, сынок он твой. Ну, лизни, — упрашивала она.

Соболенок, растолкав котят, принялся сосать приемную мать. А Муська, вдруг замурлыкав, так же старательно стала вылизывать его мокрую черную шерсть.

— Другая бы, конечно, не приняла. А моя Муська по всем статьям науки подходит, — гордо заключила тетка Евдоха.

Она попотчевала гостей чайком с душистым смородинным вареньем, вела степенную беседу с Константином Максимовичем о том, как ухаживать за соболенком. Обещала писать ему. На Бедуна не обращала внимания, только и сказала:

— Угощайся и не мешай нам с умным человеком разговаривать.

Вечером, вспоминая прием у тетки Евдохи, Константин Максимович и Бедун от души хохотали.

* * *

С тех пор минуло больше года. Соболенок вырос, окреп. Он оделся в короткую летнюю шубку с ярким оранжевым пятном на груди. У него была острая смышленная мордочка с черным подвижным носиком. Округлые ушки вечно настороже, в быстрых черных глазах — дерзость и любопытство.

Тетка Евдоха раз в месяц отправляла Константину Максимовичу короткие письма: «Поклон от Дикаря. Живет он, как полагается, по-научному. На редкость спокойный зверь. Узнай в Москве, не продают ли намордники для соболей. А то у петуха моего полхвоста выгрыз. И никакой на него управы».

Константин Максимович хохотал, получая такие письма. Однажды посоветовал тетке Евдохе попробовать приучить его к клетке, но в ответ получил такое гневное послание, что больше не рисковал давать подобные советы.

Соболенок был юрким и подвижным. Настроение его менялось с поразительной быстротой. Он мог,

сидя на плече у тетки Евдохи, ласково тереться о ее щеку и вдруг укусить тетку за ухо. Та, стряхнув зверька, хваталась за полотенце.

— Ирод остроглазый! Я тебе сейчас!

А зверек уже качался на створке окна и следил, как копошатся юркие синички на старой рябине.

Однажды тетка Евдоха резала на столе мясо. Дикарь дремал на спине Топа в углу на кухне. Топ подергал ухом и, вскочив, начал остервенело чесаться. Сброшенный соболек рассердился и укусил его за нос. Тот взвизгнул и поднял отчаянный лай. А зверек прыгнул на шкаф и урчал. В шкафу звенела посуда.

Тетка Евдоха огрела Топа полотенцем и вдруг всплеснула руками: соболь тащил к окну огромный кусок мяса килограмма в три весом.

— Стой, ирод! — заголосила она.

Бросилась к окну, столкнула цветок и кринку. С подоконника по стене поползли тонкие молочные струйки.

Дикарь забрался на чердак.

Тетка Евдоха, крихтя, поспешно лезла на чердак по широкой лестнице. Соболь сидел у трубы и с хрустом кусал мясо.

Тетка Евдоха даже глаза зажмурила от ужаса — мясо стало черным от налипшей пыли.

— Ах ты, ворюга. Я тебе покажу, — ворчала тетка.

Она осторожно пошла на соболя.

— Дикарек, Дикарек, ну иди сюда. — Она уже была совсем рядом со зверьком. Только схватить его.

Соболь жевал мясо. Глаза его поблескивали в полумраке.

Вдруг он метнулся в сторону, тетка Евдоха больно ударилась о стропила. На голову ей посыпалась пыль.

Соболя уже не было на чердаке. Он пробежал по

крыше на ворота, потом на крышу сарая. Внизу заливался Топ. К нему присоединились еще две собаки. Дикарь спокойно перебрался на рябину и устроился на толстом суке.

Начали собираться деревенские. Хохотали, переговаривались, указывая на соболя. Прибежала и тетка Евдоха. В отчаянье она запустила в Дикаря палкой.

— Три кило, почитай, упер, ирод.

И тетка Евдоха решительно направилась к избе Бедуна.

— Забирай куда хошь свою зверюгу, — заявила она Бедуну. Извел, как есть всю извел.

Бедун поскреб затылок.

— Оно бы можно и в лес снести. В заповедник.

— То есть как в заповедник? — не поняла тетка Евдоха. И вдруг вскипела. — Это соболька в заповедник? Твой он, что ли? Ишь, распоряжается чужим владением.

— Сама ты говоришь...

— Мало ли что говорю? — тараторила тетка Евдоха. — На то он и зверь, чтобы мясо есть.

— Не пойму я тебя, тетка Евдоха, — развел руками Бедун.

— И понимать нечего. Заведи своего, а потом заповедничай.

Тетка Евдоха гордо прошла мимо собравшихся у рябины женщин и мальчишек, распинала собак, своего Топу подхватила на руки и скрылась за воротами.

Вечером она написала Константину Максимовичу письмо: «Сходи в правительство и скажи, чтобы Бедуну такое указание дали не приставать ко мне. Дикаря я не отдам ни для каких заповедников».

Отшумели майские грозы. Черемуха стряхнула в траву белоснежный цвет. На заливных лугах тесно, словно враз, поднялись длинноногие желтые купавки.

Ночей почти не было. Приходили недолгие сумер-

ки, закат, не успев угаснуть, снова разгорался, возвещая близкое утро.

Дикарь чувствовал какое-то беспокойство. Стал он зол и раздражителен, забавы его были уже не такими наивными. Однажды он загрыз соседскую курицу. Тетка Евдоха долго доказывала хозяйке, что курица сама на него наскочила и нечего на зверька возводить напраслину.

Дикарь укусил тетку за палец и убежал в лес.

Лес начинался прямо за речкой. На угоре в него клиньями врезались поля бархатной хлебной зелени, дальше шли покосы, а еще дальше — чашоба.

Дикарь ловил в полях жаворонков, караулил мышей под старой березой. Он уходил все дальше и дальше, иногда подолгу не появлялся в деревне.

Обеспокоенная тетка Евдоха отписала Константину Максимовичу: «Дикарь скучает. Вели прислать ему товарища. Я и двоих держать согласная».

Однажды соболек ушел очень далеко от деревни.

Были теплые сумерки. Тысячи запахов, резких и еле слышимых, знакомых и чужих, запахов всего живущего в тайге наполняли воздух.

Соболенок шел осторожно, обонянием и слухом читая книгу жизни леса.

В овраге он натолкнулся на волчье логово. Наблюдал, затаившись, как возятся перед норой большеголовые щенки. Запах логова был острый и неприятный. Он заурчал и ушел от неприятного оврага.

В еловой заросли он гонялся за рыжей белкой и упустил ее. Раздраженно фыркнув, начал точить когти о кору ели.

Инстинкт говорил соболю — в тайге нужно быть начеку. Он шел осторожно, затаиваясь при каждом шорохе. Подкрадывался на незнакомый запах и высматривал, откуда он. Соболю чувствовал себя чужа-

ком в этом чужом таежном мире. Но его тянуло в этот мир шорохов и запахов.

Видел он, как медведь разгребал муравейник. Видел, как чавкает над падалью жадная лохматая росомаха.

Голод заставил его подобраться к задремавшему глухарю. Птица вдруг так загромыхала крыльями, что зверек отпрыгнул. Опомился, когда глухарь поднялся над осинником.

По старой поваленной лиственнице соболь перебежал через овраг и затаился. На лиственнице мелькнула тень. Кто-то очень знакомый и в то же время чужой бежал по его следу. Дикарь почуял соболя.

Чужой соболь остановился на вывороченном корневище лиственницы и заурчал. Дикарь осторожно и доверчиво двинулся навстречу. Чужой сжался, оскалился. Дикарь постоял в недоумении, ласково муркнул. Это совсем озадачило чужого — тот попятился. Дикарь вытянул шею, чтобы понюхать лесного брата, но тут же получил жестокий удар по морде.

Чужой, урча и оглядываясь, побежал по стволу назад. Дикарь шел за ним.

Останавливался чужой — останавливался Дикарь и дружелюбно тянулся к нему. Но чужой так скалился и урчал, что Дикарь не решился больше приблизиться. Он не понимал сердитого лесного брата и боялся его.

После очередного удара по морде Дикарь остановился и не пошел за чужим. Он долго смотрел ему вслед и жалобно и нетерпеливо повизгивал.

Зацыкали дрозды — первые вестники утра. Над тайгой горела яркая полоска зари.

Соболек забрался в ельник и уснул, зарывшись в мягкий горьковатый мох. Он сердито урчал во сне. В новом таежном мире ему было тревожно и одиноко.

Прошла неделя, другая. Тетка Евдоха совсем лишилась покоя. Она бродила по лесу и звала Дикаря. Но собоек не приходил. Тетка Евдоха окончательно разругалась с Бедуном:

— Ты его сманил в свой заповедник! — горячилась она.

С ней нельзя было спорить, с этой голосистой упрямой старухой. Бедун махнул рукой и направился в тайгу искать соболька.

Он нашел его. Но нашел через много времени, когда землю покрыл снег.

Тетка Евдоха, надев охотничьи лыжи, пошла с Бедуном в тайгу. Тот привел к вершине лесной речушки и показал на некрупный двойной след.

— Вот он, твой собоек. Недавно прошел.

— Дикарь! Дика-а-рь! — звала тетка Евдоха.

— А-арь! А-арь! — перекатывалось эхо.

Замерло эхо, и снова тишина окутала тайгу. Ни звука, ни шороха.

БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Вышли из печати:

Ю. Вылежнев, «На лосях»

А. Ромашов, «Лесные всадники»

Н. Чернышев, «Западня»

М. Заплатин, «На гору каменных идолов»

Алексей Михайлович Домнин
ДИКАРЬ

Редактор *А. М. Граевский*
Художественный редактор *М. В. Тарасова*
Технический редактор *А. М. Сычкин*
Корректор *А. И. Плешкоз*

Подписано к печати 30/XI 1959 г.
Бумага 60×84¹/₁₆ 1,5 бум. л. 3,0 печ. л. Уч.-изд. 2 л.
ЛБ18312. Тираж 90 000 экз. (00001—45000) Цена 60 коп.

2-я книжная типография облолиграфиздата.
Пермь, ул. Коммунистическая, 57. Зак 1202.